

СОХА И МОЛОТ

**Вся власть Крестьянам и Рабочим
в лице их Советов.**

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

В Объединенный Совет Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов требуются служащие всех специальностей: бухгалтера, секретари, писцы, машинистки, а так же и лица, занимающиеся физическим трудом.

Желающие поступить на службу должны подать в Совет заявления с указанием специальности.

Всем безработным предлагается зарегистрироваться в Совете и получать работу в порядке записи.

Субботняя площадь, д. Калнина, вверху.

Объявляется всем жителям Минусинского уезда, что мандаты на право реквизиции и конфискации считать законными только выданные с 3-го Октября 1919 года за следующими подписями: тов. Сургульдзе, Кожемякина, секрет. Скоромкина и Облековича за печатью Армейского совета Солдатских Депутатов Крестьянской армии.

Реквизиционный Отдел.

Для Минусинского уездного и городского Комиссариата требуется следующие служащие: Машинистки. Секретари и знающие составление протоколов. Явиться в помещение бывшей милиции на Тройцкой площади.

Уездный Комиссар Минусинского Уезда.

Кожевники, шорники и сапожники приглашаются на общее собрание в 10 час. дня в понедельник 6 октября в завод Винокурова (кожевенные ряды).

Председатель Орлов.

Разыскиваю родственника Евгения Александровича Кукольщикова. Спросить в редакции „Соха и Молот“, дом Метелкиной.

К родителям.

Отцы и матери! все мы, имеющие вас, и тем более несчастливцы, которые вас потеряли, глубоко чувствуем и понимаем вашу безответную любовь к нам. Особенно вы, страдалицы-матери.

Навряд ли есть более глубокие страдания, чем ваши? Вы единственные, которые отдаете все безвозвратно. Я знаю, что каждый ребенок, отрываемый от вас—это есть лучшие части вас самих, без которых жизнь ваша превращается в ряд сплошных страданий. А в наши дни чаша этих, страданий переполнилась через край. Кровью ваших детей залит весь мир, и она, дорогие родители, не перестанет литься до тех пор, пока окончательная победа не будет на

стороне трудового народа, до тех пор они по прежнему будут изнывать в тяжелой, изнурительной работе, убивающей в них радость и красоту жизни, по прежнему их будут убивать целыми миллионами по капризу и произволу царей, по прежнему тюрьмы будут наполнены лучшими вашими сыновьями. Так нет-же, отцы и матери! принесите лучше последнюю жертву; пошлите а не задерживайте ваших детей, чтобы разом нанести смертельный удар вековому врагу. Мне кажется, что последняя жертва легче, чем отдавать детей своих на мучительную медленную смерть. Вы же, родители интеллигентной молодежи, не удерживайте последнюю, не убивайте в ней прекрасных порывов служения народу. Такие чистые

и светлые порывы бывают только раз в жизни. Если вы их сразу же убьете, то тем обречете детей ваших на жалкое прозябание. Помните свои молодые годы—и вы увидите, что подобные минуты были лучшими в вашей жизни. Воспоминания с них греют и вызывают слезы умиления в глубокой старости.

Так не огорчайтесь же, а радуйтесь светлым порывам своих детей! Знайте, что их слова, как борцов, будут падать и в ваши престарелые сердца и души.

„Спасибо!“ скажет вам русский народ, ибо он увидит, что не одни его дети несут всю тяжесть социальной борьбы, а тут же рука об руку с его детьми идут и ваши дети. Если же вы на столько опустились, сделались мещанами, что не хотите видеть справедливость настоящего движения, то не сердитесь, когда ваши дети уйдут без вашего согласия. Они не могут не идти, их зовет справедливость.

Анская.

От Баджея до Белоцарска.

В ночь с 13 на 14 июня нового стиля над Баджеем повис „Домоклав меч.“ Смешанные части чехов, итальянцев, казаков и белогвардейцев, превосходящие нас численностью чуть ли не в 10 раз, а главное вооружением и снаряжением, прорвались за р. Ману. Ночью было напечатано воззвание, что настал час решительной борьбы, и Зыманский район должен вооружиться кто чем может. Но это было уже не воззвание, а всего скорее предупреждение о трагическом последствии Заманского района и о подготовке выезда. Но не потому, что мы им не могли дать отпора, а потому, что у нас выходили запасы пороха и того материала из которого делались пистоны.

Я ничего не знал до утра 14. Но когда я из больницы подошел к зданию Совета, то Кравченко говорил Низовцеву, кажется и еще кому-то, что если мы сегодня выдержим, то не пустим дальше и опять отб-

расим за Ману. Но я слова эти понимал просто как успокоение. Когда я вошел в здание, то увидел на полу массу изорванных бумаг и всегда, когда постигает чело века несчастье, то слышится как бы в знаменьях полушопот, то полутаинственный, то совершенно непонятный; слышится столько популярное в это время „не знаю“. Потом пошли суды инквизиции, т. е. начали предавать деловые книги и бумаги сожжению. И в Продовольственном, и в Армейском и в других учреждениях, горели на дворах небольшие костры и бумажный пепел разносил ветер. Что было вчера дорого и свято, то сегодня будто бы предано проклятию. По улицам бродили люди с винтовками, с берданами и с дробовиками и вообще очень плохо все одеты: некоторые были просто босиком. Настроение было у всех одно и мне оно казалось таким: как будто бы все эти люди шли темной ночью непроходимой тайгой и невидя ничего пришли к стоявшей вертикально каменной громаде и все как один ударились о нее головами и в отчаянии потирают руками ушибленные места. Оглянулись назад-тоже гора, в сторону—и там гора, в другую и там то же и вперед идти нельзя. И из этой ямы только видно было в небо дыру. Вот какое по моему мнению было впечатление. Хотя Крайченко и утешал мыслью что мы их оторосим, но этому каждый не верил и спешно шла подготовка отступления на Крол. Часов в 12 дня пошел обоз с ранеными. О этом я картину дам ниже. На вопросы где наши части? Почему создалось такое положение когда мы вчера были еще сильны? отвечали популярным «не знаю». Глаза бегали у всех с какой то лихорадочной поспешностью в будто бы стыдились глядеть друг дружке в глаза. Из Продовольственного раздавались запасы хлеба мужикам Солдаты насыпали по карманам кедровые орехи. Около оружейной мастерской я встретил Гарстина с полторадюймовой «макленкой» и с ящиком снарядов. Куда мол ты? — «Еду—отвечает—ее хоронить».

Когда было все, что не нужно сожжено и все, что нужно, вывезено, тогда только стали выезжать и организации. Я выехал с объединенным советом часов в 5 вечера. Впрочем не выехал, а шел пешком за лошадей, а она везла вещи. Вот тутто я и увидел потрясающую своим ужасом картину. Тяжело раненные лежали на телегах и стонали, а скрип тележных колес как будто бы аккомпанировала этим мучительным стоном и получалась адская симфония. Которым было невыносимо, подводы оставили для передышки, и заносили по хуторам. Они просили медицинской помощи. Но ее порой не оказывалось, а ехали как раз ночью. Было не так темно. О как они были одеты! В этом рубище больным было невыносимо холодно. Даже мы подходили к костру и грелись.

(Продолжение будет).

Матя Балдынский.

Осколок пулемета.

(Разказ будущего).

И час настал, и истощилось
Долготерпение судьбы,
И море страшно ополчилось
На миг решительной борьбы...
Ж. Ю. Лермонтов.

I.

Мальчик летнею порою
В ясный день играл в лошадки;
Восиком, косматый, с криком.
Бегал он. (Жизнь детям—святки).
То в траве он кувиркался,
То цветы вязал букетом,
То за бабочками бегал,
Утопая в чарах лета,
То по полю, то по лесу

Проносился без заботы
И нечаянно выедет
Оа осколок пулемета
Под кустом, но что?—не знает...
Мчится с ним к родной избужке.
У окна чулок вязала
Его бабушка старушка.

II.

—«Баба, баба! что нашел я
Под кустом в овраге? Ну ка!
И скажи, моя бабуся,
Мае, ну что это за штука?
Интересная какая,
Может быть она игрушка?
Но тут внучку ударила
И преволвила старушка.

III.

—«Это, внучек... Эка память!
Что бы с толку мне не сбиться,
А потом уже, мой милый,
И в разказ уже пуститься.
В далеке веков, родимый,
Люди были очень жалки;
И властители казнили
И душила часто палкой.
Подростешь и сам узнаешь
Из истории. На тронах
Были деспоты, вапирры,
Щеголяла тьма в короле.
Люди, выхода не зная,
С горя вечно водку пили.
Не бранили их царь за это
И министры не бранили.
И с утра до темной ночи
По летат трудилась в поле,
Лишь болезни, да несчастья
Они видывали в волю.
И осеннюю порою
Пот с полей зерном собирали.
И кровавый труд летаям
За безценок продавали.
Исправляли в зиму свадьбы
По закону Провиденья.
А служители престола
Их видели в заблужденье.
Жили в ивжнати убогих,
Вли лук да редьку с квасом
И за то благодарили
В храмах Бога эти массы.
Бог глядел с небес в окошко.
На свои произведенья
И на рабство и на троны
Посылал благословенье.

IV.

—«Но, а разум—путь познавая
Стал до неба добираться
И в глаголат открывенья
Люди стали сомневаться.
Не обманом ли их держат,
Извратив страницу Божью?
И, найдя причины эти,
Палачей накрыли с ложью.
За открытие такое
Жгли в кострат людей живыми.
Но скитатели считались
Но делам своим святыми.
Но пророки не страшались—
Шли в огонь и умирали
И из пламени в мученьях
Людам волю завещали.
Завещание проникло
Глубоко в сердцах народа
Но держали его строго
На цепи в тюремных сводах.

V.

«Но и этот мир презренный
Вдруг нарушен был войною—
От труда и к пулемету,
К разрушению и к бою
Миллионы рук призваны.
Муж прощается с женою,
Дочь—с отцом, жених—с невестой...
Смерть запрыгала с косяю!
Загрмежи жерла пушек,
Превратили жизнь в пустыню;
Где деревни процветали,
Закурились там руины.
Потянулись беженцы
Все в дохмотях, все бросала,
А дари в дворах кутала

Балерины им плясали.
Появился страшный годод
И пошел по весам, градам,
И сей грозный предводитель
Добрался до Петрограда.
Точно вождь, он шел ступая
В одеяньи страшно—красном
И толпу людей несчастных
Призывал с громогласно.

VI.

—«Все ко мне, я царь природы!
Бросьте вы молитву к небу;
Оно холодно, бездушно
И не даст вам счастья с хлебом.
Все ко мне, я—ключ свободы,
Дверь потеренного рая
Жизни. Нищие идите
Все от края и до края,
Все ко мне! Я—гений права!
Нет вам больше искупленья
Как идти со мною вместе,—
Добывать освобожденье!»

VII.

—«И народ к нему сходилась:
Кто с лопаткой, кто с киркою,
С фабрик шли толпы, с заводов
С угнетенною душою,
С чердаков из подземелий,
Из могилы шагн с отрадой
И похожи они были
Как на грешников из ада:
Жалки, бледны, безподобны,
Тело рубищем покрыто
И стеклянные глаза их
Провалились в орбиты.
Это жизненное море
Шло к нему и вливалось
И на скалы рабск-й власти
В буре—гневе оно рвалось.

VIII.

—«В феврале случилось это.
Люди хлеба попросили
И за дерзость их на «Невском»
Пулеметами крестили.
С чердаков и колоколен
Люди падали на плиты
С простреленными сердцами,
Кровью собственной залиты
Вдруг взвилось точно пламя
Высоко над головами—
Это было знамя воли
С чудно—сильными словами:
«Пролетарий всего мира,
Встань под знамя и борись
И в борьбе за власть Советов
Ты духовно обновися»
И ряды их не редели.
В помощь им пришли солдаты
И с гремящей марсельезой.
Как один—на баррикады
И фигура капитала
Застонала, покачнулася
И земля во всем обеме
Лишний раз перевернулася.

IX.

—«Так положено начало
Русской ратью и народом...
Через реки крови, милый,
Нам досталась свобода.
Сколько там сильных духом было,
Сколько славных там упало!
Но их смерть на горизонте
Солнцем правды возсияла
Сложат песни им поэты,
Мавзолей воздвигнут люди
И как их дела бессмертны,
Они век бессмертны будут.
Петроград Купелью Мира
Назовется меж народов:
Из Невы раб темный вышел
Вновь царем святой природы.
И вот этот то осколок
Пулеметом тогда звался
И с тех пор, ненужный людям,
Под кустом он и валялся.

Т. Рагозин.

ст. Иланская 1917 г.

Уездный съезд.

(Окончание).

Земельная секция.

Заслушав доклад по земельному вопросу Съезд постановил: 1) принять закон о социализации земли, выраженный в декрете народных комиссаров, как основу, проведение же в жизнь этого закона считает, ввиду ненормального времени, преждевременным впредь до окончания рабочей крестьянской войны с буржуазией.

2) Немедленно принять меры к сохранению всех народных угодий и недр земли. Эта обязанность ложится на объединенный и волостные советы—по месту нахождения.

Постановления секции Социального Призрения.

Ввиду того, что не заготовлены материалы, постановили: передать настоящий вопрос на рассмотрение уездного Совета.

Крестьянский съезд принял постановления единогласно.

Текущая дела.

1. Слушали: о пользовании Ермаковской ремесленной мастерской. Съезд постановил: передать в Уездный Совет.

2. О возвращении жителям оружия. Постановили: передать в Уездный Совет, а последний представляет владельцу, если им будет предоставлено удостоверение о политической благонадежности.

3. О 300 саж. дров в Лугавско Ничкинской даче. Постановил: передать хозяйственному отделу города.

4. О выборах депутатов в Уездный Совет. Постановили: оставить по одному представителю от волости впредь до избрания Волостным Советом.

Избраны: Лугавской волости—Наговицын Федор, Мало Минусин.—Трунов Василий Несторович, Усть Абаканской—Колобов Василий, Восточной—Толмачев Антон, Ермаковской—Шебанов Платон, Сагайской—Дюкарев Михаил, Тигрицкой—Алексеев Архип, Маторской—Будылин Антон, Кужебарской—Арещенко Федор, Григорьевской—Анохин Степан, Шушенской—Петров Сергей, Кочергинской—Нелюбин Иван, Имисской—Аленников Иван, Каптыревской—Богатев Арсений.

Заслушав внеочередное заявление депутата I го чрезв. съезда Крестьян, Рабочих и Солд. Депутатов, Павлова, о экономии Четверикова, находящейся на Алтайск. степи по Бейской дороге, что там начнется расхищение имущества, съезд постановил: поручить охрану Арм. Сов. и Глав. Штабу, а уборку хлеба поручить ближайшему селению в пользу Крестьянской армии.

Вопрос о винокурен. заводах постановлено передать в городской совет.

Заслушано постановление Минусин. Зем. Управы от 10 июня 1919 года № 1369 о выселении граждан уч. Карагацкого постановили: отнестись к нему отрицательно и крестьянам этого участка оставаться на местах.

Постановили: имущество бежавших казаков конфисковать в пользу Крестьянской Армии.

Съезд заканчивается в 7 час. вечера 29 сентября пением революционных песен.

Председатель Съезда Сургуладзе.

Товарищи Председателя: Солдатов.
Петров

Бурдаков.
Секретари: Бахов.
Матвеев.

Протокол

Пленарного заседания Исполнительного комитета I-го октября 1919 г.

Представителя от Главного Штаба нет, а г. Курченко, не имеющий полномочий, представителем не признан.

Повестка дня:

1. О конфискации и реквизиции,
2. О функциях отделов,
3. О похищении денег из кассы Арм. С та
4. О продовольствии и снабжении войск
5. Создание Трибунала.

I О конфискации и реквизиции

Доклад делается т. Гаповым. За последнее время от граждан часто приходится слышать жалобы на конфискацию. Многие из товарищей злоупотребляют данными им полномочиями. Необходимо это устроить.

Т. Ксензов порицает действия Реквизиционно-конфискационного отдела, который выдает незнакомым лицам полномочия.

Т. Курченко полагает, что ошибки всегда неизбежны... Неправильность конфискации производилась не с умыслом сделать зло, а по недоразумению. Ошибки были и будут. Это неизбежно.

После прений выносится следующее постановление: Принимая во внимание то обстоятельство, что конфискация велась до сих пор не организованно, отчего получались недоразумения, отныне конфискационный отдел должен руководствоваться следующими правилами: 1) для конфискации назначать людей, вполне надежных, полномочия коим должны быть выдаваемы Реквиз-конфискационным отделом с санкцией Исполнительного комитета, 2) при конфискации руководствоваться только документальными данными, 3) конфискация должна производиться в присутствии хозяина (если таковой имеется) и, кроме лиц полномоченных, никого не должно быть, 4) конфискация должна производиться при участии члена Об'единенного Совета, 5) конфисковать только вещи, необходимые для армии, не нужные сдавать Об'единенному Совету, 6) конфискатор список конфискованных вещей отдает хозяину, а копия списка должна оставаться у него за подписью двух понятых от местного самоуправления.

II. О функциях отделов.

После непродолжительных прений принимается резолюция: В виду недоразумений, происходящих от самостоятельных действий Отделов, впредь строго придерживаться строгой централизации. Дела которых отдел не может разрешить самостоятельно, должны вноситься в Президиум, и наложенная последним резолюция должна быть подписана председателем (или тов. его) и секретарем президиума. Каждый из Отделов должен работать только в рамках своей сферы.

III О похищении денег из кассы Армейского Совета.

Из обмена мнений видно, что дело о похищении денег передано в судебную следственную комиссию.

Т. Грабовский (казначей) разъясняет те обстоятельства, при которых совершено. Печати за недостатком сургуча наложено не было. Замок был ненадежный. На другой день, когда казначей пришел к кассе, то заметил, что один из ящиков был не на своем месте. В ящике денег не оказалось, Караул был от Минусинского полка.

Замок которым замыкался ящик (по словам члена следственной комиссии Макушкина) можно было открыть просто гвоздем.

Т. Сургуладзе Были ли в сундуке деньги вечером, когда вы закрывали ящик?

Т. Грабовский. Были. Часовой наблюдал, как я клал деньги в ящик и как замыкал последний.

Т. Макушкин. Да, часовой все время наблюдал над Т. Грабовским.

Т. Сургуладзе. За все время существования Армейск. Совета не было похищено ни одной копейки, не смотря на безалаберное отношение членов Совета к кассе. Это объясняется тем, что солдатам (тем, из которых раньше состояла Крестьянская Армия) совершенно не нужны были деньги да и люди они, как борцы за идею, честные. С принятием же в свои ряды новых солдат и взятием к себе новобранцев (военно-пленных), между которыми есть масса мерзавцев, от солдат можно ожидать всякой подлости. Оратор предлагает сменить караул из людей, неизвестных нам, и поставить из знакомых надежных солдат, которые служат с самого начала воз-
16

Предложение принимается.

По окончании прений большинством 14 против 4 принята резолюция: Принимая во внимание безупречную общественную деятельность т. Грабовского, пленарное заседание оставляет его на старом месте впредь до выяснения дела судом. В виду личного заявления т. Грабовского об отстранении его от должности казначея, так как на него легло пятно, и он оставаться не может на старом месте, пленарное заседание просит т. Грабовского удовлетворять и увольняет его от должности до разбора дела в суде. Казначеем временно избирается т. Ганонов. Для принятия кассы от т. Грабовского заседанием избрана комиссия, в которую вошли: Карагац, Злобин и Рябцев.

IV О продовольствии и снабжении Армии.

Единогласно против одного принимается постановление. Взяв на учет всю китайскую мануфактуру фирмы Юн-Шен Хе, обратит ее в достояние Крестьянской Армии, а в случае явки хозяина, разобраться по существу.

Из доклада т. Сухорослова видно, что в Союзе Кредитных т-в имеется товар и хлеба больше 2000 пудов. Постановили: конфисковать товар и хлеб в союзе Кредитных т-в, передав ненужное для Армии Об'единенному Совету. Произвести обыск во всех кладовых и подвалах названного союза.

Из того же доклада видно, что Армия не обеспечена верхней теплой одеждой; Отдел снабжения осаждается беженцами, обращающимися с требованиями продовольствия, отчего отделу невозможно вести правильно работу.

Принимая во внимание изложенное т. Сухорословым, пленарное заседание вынесло постановление: 1) Разослать по селам и деревням предложения—немедленно произвести самообложение теплой верхней одежды—с четырех шуб одну, вполне годную для носки, обязав сельские Советы представить одежду не позже 10 числа с. м. 2) предложить Об'единенному Совету взять на свое попечение беженцев, не имеющих никакого отношения к Армии, семьи же солдат будут, получать продовольствие из Армейского Отдела снабжения.

Все товары, подлежащие продаже, сдавать в Об'единенный Совет.

V О создании Революционного Трибунала.

После непродолжительных прений пришли к заключению о необходимости создания временно Трибунала. В состав Трибунала вошли: Рябцев, Сургуладзе, Гапов, Карагац, Иванов (от Гл. Шт.), Курчин и Злобин.

VI Текущая дела.

В виду того, что от рабочих, работавших до прихода армии в частных предприятиях поступают заявления с просьбой уплатить им недоплатенные предприятием суммы, постановили: принимая во внимание, что денег у нас мало таких рабочих не выдавать. Считать их (рабочих) с сего времени мобилизованными и выдавать продовольствие наравне с другими.

Председатель Сургуладзе.
Секретарь заседания, член
Исполкома А. Низовцев

Воспоминания.

(Продолжение, см. № 10).

А в это время шла уже тайная агитация, что называется „во всю“ в Перовской, Вершино-Рыбинской и Рыбинской волостях товарищами Петровым, Саломатовым, Н. П. Курченко, Колесниковым, Церовой, Поповым и др. Дело велось больше по ночам. Опишу одно из таких тайных собраний. Ночь. Небольшая изба. Окна завешены половиками. В каминке горит смолье для освещения. В избе дымно. Сидит человек 10 крестьян, кто где нашел себе место и тихо разговаривают. Лица серьезные. Учитывают оружие, боевые припасы, надежных товарищей, которые вступят в рялы и, сделав все это, расходятся.

Прибыл отряд в Тюлюп, когда товарищи Манцы отдыхали после боя. Все веселые возбужденные. Устали никакой не видно, хотя пришлось всю ночь не спать и быть в тайге при 40 градусном морозе. А обмундирование, что называется „с иголочки“. Кто в лаптях и рваной шинелке, кто в полушубке, сквозь который ветер ходит, и только мало-мало одеты более сносно. Разговоры про только, что бывший бой. На дворе кашевар, мужик лет 50-ти тоже доброволец, варит в котле скудный обед для отряда. В одной из изб, в кругу своих доблестных товарищей нашли и главаря „Коня“. Да действительно конь! Если запречь на пристяжку в плуг, то смело пахать можно. Росту большого, осанка бравая, волосы как у попа, борода вклокочена, в коротеньком шубном пиджачке, шапка с ушами, в больших катанках, через плече патронташ, у пояса сумки с патронами, браунинг в кармане, винтовка около него. „Ух, какой страшный“, как потом крестьяне говорили про него. Познакомились Конь (тов. Кравченко). Сейчас же просили наш отряд преследовать „гадов“ до деревни Кияй (8 верст). Подводы готовы. Садимся и мчимся. На встречу Кияйские крестьяне на подводах; пересаживаемся на их подводы и едем в Кияй. В Кияе уже разведка Манцев.

— „А где же гады“? спрашиваем.
— „У-у-у! они уже, наверно, в Шале. Бежали так, что не успели раненых перевязать.“

Приехали в Кияй. Весь народ на улице, не смотря на то, что мороз под 40. Вслед за нами приехал и „Конь“ с остальным отрядом. Все крестьяне на перебой приглашают закусить, напиться чаю и обогреться. Заходим в дом к одному крестьянину. „Конь“ делает распоряжения послать разведку вперед, если возможно до села Шало. Распорядились собрать сход. Пьем чай закусываем. В избу пришло много любопытных. Завязывается разговор.

— Ну что, как гады? — спрашиваем.
Крестьяне отвечают на перебой, что говорили гады, когда ехали в бой.

— „Мы покажем этим лапотникам.“
— „Всякая сволочь думает бунтовать“

— „Всех перебьем, а которых живьем заберем не будет им мало!“

А надо заметить, что в этом отряде „гадов“ была исключительно головка. Их было 240 человек: сербы, офицеры, и немного милиционеров, под командой сербского полковника, который выезжая из Кияя говорил: что мне с этой сволочью драться? Я участвовал на войне во многих боях, а с этими лапотниками я покончу митом. Сел и поехал из Кияя покончить со „сволочью“. А наши товарищи не дремали. Каждую ночь в тайге, не смотря на мороз и вьюгу усиленно охраняли себя; а до свету все выходили на выбранную позицию. Сидят наши товарищи и ждут... Чу! Едут... Товарищи насторожились... На дороге показалась передовая часть обоза и остановилась. Важно вылезает из саней офицерство, снимая дохи, вытаскивают пулеметы, выпрыгивают перемерзшие сербы.. Разсыпаются в цепь.. Снег глубокий еле лезут. У наших товарищей сердца бьются, но без команды ни выстрела. Начали устанавливать пулемет. Вдруг выстрел и пулеметчик падает. Оцепили...

— „Прицел 4, отряд, пли!“
— командует „Конь.“ И тра-та-та-та загремело с нашей стороны. А тут товарищ Лидин с кучкой храбрецов сидевших в засаде, открыл огонь с правого фланга. Не прошло и полчаса, как гады бежали от лапотников, оставив нам два пулемета, много оружия и патронов. И гадкий труп сербского полковника осквернил свободу любимую тайгу. С нашей стороны в бою участвовало 53 товарища.

Пришли сообщить, что сход собрался... Пошли на сход. Народу что называется, — яблоку упасть негде-и старый, и малый. Разъяснили цель возстания, просили сдать

оружие, патроны, пистоны. Все, что было, крестьяне сдали. Поступили добровольцы. Когда посылали разведку на село Шало, то просили собрать сельские сходы в деревне Имбеж и Сосновка. И в эти деревни послали тоже разъяснить крестьянам цел возстания, пригласить добровольцев. Разведка вернулась и сообщила, что „гады“ в Шале. Привезли из Имбежа и Сосновки оружие и боевые припасы. Ночью весь отряд возвратился обратно в деревню Тюлюп. Было собрано совещание, на которое решило: 30 товарищей с пулеметом во главе с товарищем „Конем“ отправить в канский уезд для агитации и увеличения отряда, а остальных с товарищем Иваном Боганом возвратит на прежние позиции — на р. Ману, что и было сейчас же исполнено. И мы обратно поехали в деревню Солнечно-Талую.

В. Ш.

(Продолжение следует.)

Вести с фронта.

3 го октября. После поражения под с. Шалоболным, где наступало 1500 человек Колчаковской армии и где нашим было взято два пулемета, порядочное количество винтовок, патронов, обмундирования и т. д. — белые начали быстро отступать очищая правый берег р. Тубы. Наши полки преследуя их подогнали к р. Енисей; где подвергли вторичному „крещению“ Благодаря беспорядочности и спешности отступления, очень много потонуло в реке. Более 100 человек было взято в плен, а остальные, переправившись через Енисей, отошли от реки. Наши оставили преследование и «господа» спокойно отправились к своему кумиру Верховному Правителю, дабы сообщить ему о бесполезном походе на красных и печальныя его последствия. Наши заняли с Абаканское, но потом оставили его, не находя нужным держать там фронт. Весь правый берег очищен и поэтому пока военные операции на прекращены.

На остальном фронте пока спокойно, белые сняли вес фронт и ушли.

ХРОНИКА.

Пожертвования товарищей в пользу Крестьянской Армии:

- 1) Кривинского о-ва два воза разных продуктов.
- 2) Желобовского о-ва 50 полушубков.
- 3) Повомаревского о-ва
- 4) Нижне Койского о-ва один воз хлеба.
- 5) Знаменского о-ва сто пудов муки.
- 6) Иджинского о-ва два мешка овса и 15 п. сухарей.
- 7) Ново-Покровского о-ва разных продуктов 20 пуд.
- 8) Лыткинского о-ва разных продуктов 5 мешков.
- 9) Алтайского о-ва два воза продуктов и 15 возов сена.
- 10) Н. Сузгукского о-ва денег 3000 р., хлеба 100 четвертей и 20 штук рогатого скота.

Редакция газеты «Соха и Молот» от лица всей Крестьянской Армии посылает товарищам крестьянам, приносившим в пользу нашей Армии посильную лепту, свое братское спасибо. Помните, товарищи одно; только с вашей поддержкой наша Армия в силах вести борьбу с ненавистным нам врагом и давать ему должный отпор.

Редакция.

Редактор Издатель

Редакционный Отдел Крестьянской Армии